

В. Желиховская

**Во имя долга. Кукла. Над
пучиной**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
В11

В11 **В. Желиховская**
Во имя долга. Кукла. Над пучиной / В. Желиховская – М.: Книга по Требова-
нию, 2018. – 314 с.

ISBN 978-5-458-09818-2

Три рассказа для юношества В. П. Желиховской. С рисунками А. А. Чикина.
Санкт-Петербург : издание Девриена, 1899.

ISBN 978-5-458-09818-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

обязанность каждого человека не прятаться в свою раковину, а смѣло выходить всѣмъ на пользу и помощь.

— Въ такой азбукѣ общественной нравственности, кто-жъ сомнѣвается? сказалъ Павелъ Торновичъ, студентъ медицины на послѣднемъ курсѣ, спокойно взглянувъ на нѣсколько рисовавшагося родственника.

Другіе увѣренно поддержали его; разговоръ снова оживился, дѣлаясь общимъ. Молчала только Ксенія Николаевна Горянская, старшая сестра Насти, замѣчательно хорошенькая молодая дѣвушка, дочь хозяйки дома.

Но гимназистка, очевидно, бойкая барышня, не унималась. Она перекинулась словомъ со своимъ сосѣдомъ, незамѣтнымъ, маленькимъ черноволосымъ юношей, медикомъ также, но не изъ кончившихъ курса, какъ другой, находившійся здѣсь товарищъ его по академіи. Онъ, подсѣвъ къ дѣвочкѣ сзади на низенькомъ табуретѣ, шепталъ ей что-то, что заставляло ее улыбаться, а великолѣпные свѣтло-каріе глаза ея искриться насмѣшливо. Она заставила себя сдѣлать серьезное лицо, выбрала мгновеніе и снова срѣзала старшаго Торновича замѣчаніемъ:

— А вотъ, Дорженевскій, не медикъ, — юристъ тоже, какъ и Викторъ Сергѣичъ, — а поѣхалъ же на Кавказъ... Попросился, самъ вызвался добровольцемъ, на помощь медикамъ въ борьбѣ съ холерною эпидеміей, его и послали... Вотъ онъ — да и много другихъ — «не спрятался въ раковину». Онъ «смѣло вышелъ» на помощь страждущимъ!.. А вы, что же не ѣдете, Викторъ Сергѣичъ?

Это ужъ было такъ безцеремонно, что многихъ передернуло, — кого охотой разсмѣяться, кого испугомъ, меньшинство — жалостью, а самого юриста взорвало до того, что онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва и крѣпко стиснулъ подъ столомъ кулаки, чтобъ не позволить своему лицу выразить чувствъ его, всѣмъ на потѣху.

— Настя! Какое тебѣ дѣло? укоризненно замѣтила Варвара Алексѣевна Горянская, дочери.

— Но, мама, можетъ быть Викторъ Сергѣичъ не знаетъ!.. Я думала оказать ему услугу...

— Молода ты, чтобъ много думать! срѣзала ее строго старуха. — Уроки бы шла готовить, вотъ что!

— У меня уроки не залеживаются, мама. А почему же не услужить людямъ?.. Я тоже не хочу эгоистично въ раковину прятаться, когда могу найти полезную дѣятельность!

Она звонко засмѣялась и смѣхъ ея подхватили многіе, и Викторъ Торновичъ въ числѣ другихъ.

— Понятно! сказалъ онъ. — Барышня изошряетъ свое остроуміе!.. Проуеетъ силы — и благо ей!.. Въ наше время, чѣмъ острѣе зубы, — тѣмъ больше шансовъ преуспѣвать.

— Да вѣдь Настасья Николаевна въ хронической враждѣ съ Викой! замѣтилъ, примирительно Павелъ Александровичъ, улыбаясь гимназисткѣ.

— Ну, нельзя же ей благоволить ко всѣмъ членамъ нашей семьи! отозвался ему въ тонъ Викторъ:— Будетъ, что она къ тебѣ милостива и къ Даніилу Михайловичу особенно любезна!

— Ко мнѣ?.. Что вы, дядюшка? Богъ съ вами! привскочилъ маленькій медицинскій студентъ изъ-за Настинаго стула, улыбаясь не безъ коварства, потому что зналъ, какъ не любить его дальній родственникъ этого наименованія.

— Да ужъ нечего грѣхъ таить, племянничекъ? весело отвѣчалъ тотъ: — вы, со своей прелестной ученицей, оба готовы меня въ ложкѣ воды утопить, но кажется, это вамъ не по силамъ!

Онъ усиленно смѣялся, стараясь придать своему смѣху, какъ можно болѣе безпечнаго добродушія.

— Боже мой! Да куда намъ съ вами тягаться!

— Полноте, дядюшка! У насъ еще руки не доросли до вашего величія! отшучивались обвиняемые.

Старшія Горянскія, мать и дочь, чтобы прекратить препирательство, ихъ безпокоившее, несмотря на его шуточный тонъ, заговорили съ другими гостями, вызывая ихъ на постороннія темы. Ксенія, перетирая чайную посуду, спросила тихонько медика Торновича, — рѣшено-ли, что онъ уѣдетъ?.. Куда именно, и когда? Тотъ отвѣчалъ, что это «еще по водѣ вилами писано»; что онъ просился, да его не пускаютъ... Что, вѣроятно, прежде конца экзаменовъ не поѣдетъ никуда, а тогда, пожалуй, не за чѣмъ будетъ и ѣхать; Богъ дастъ, у страха глаза велики: не пойдетъ эпидемія далѣе предѣловъ Кавказа...

— А туда вы не поѣдете?

— Не знаю, право! Туда и безъ меня послали множество народа... Только бы удалось ее далѣе Баку не пустить.

— Дай Богъ! вздохнула Ксенія.

И вдругъ повеселѣвъ, глянула секунду въ глаза симпатичнаго, ласково ей улыбавагося собесѣдника и тотчасъ же, опустивъ черныя рѣсницы, попросила:

— А вы сегодня намъ поиграете, Павелъ Александровичъ?

— Да ужъ не пора ли по домамъ?.. Вотъ Викторъ, кажется, собирается...

— Ну, и пусть! быстро шепнула дѣвушка. — А вы погодите еще!.. Сыграйте, что-нибудь!.. Пожалуйста. Настя, зажги свѣчи на роялѣ!.. Чѣмъ ссориться, — сдѣлай дѣло!.. Павелъ Александровичъ намъ поиграетъ.

Гимназистка и ея сосѣдъ, Данила Михайловичъ Стадолинъ, вмѣстѣ бросились зажигать свѣчи, въ смежной комнатѣ.

— Ты еще долго останешься? спросилъ Торновича его двоюродный братъ, надѣвая перчатки. — До свиданія! Я ужъ долженъ ѣхать... Матап меня ждетъ.

— До свиданія, голубчикъ... Я еще немножко останусь.

Юристъ раскланялся со всѣми, поцѣловаль, съ изысканной учтивостью, руку Варварѣ Алексѣевнѣ; пошутить, на прощанье, съ Настей, насчетъ того, что завтра же попросится «на холеру» и она будетъ виновата, что онъ умретъ «во цвѣтѣ лѣтъ»...

— «И красоты?» насмѣшливо добавила Настя. — Нѣтъ ужъ живите, — Богъ съ вами!.. А то всѣ старушки — благотворительницы, у которыхъ вы по особымъ порученіямъ состоите, съ горя перетопятся! не воздержалась она еще разъ кольнуть своего врага.

«Вотъ зелье дѣвчонка!» подумаль Викторъ Сергѣевичъ, надѣвая въ передней пальто. «Вообще, кажется, лучше бы мнѣ бросить это кландестинное знакомство!»

Викторъ Торновичъ, сынъ тайнаго совѣтника и графини захудалаго, но несомнѣнно древняго рода, весьма кичился своимъ знатнымъ свойствомъ; а проведя все дѣтство съ вдовствовавшей маманъ въ чужихъ краяхъ, самъ того не замѣчая, часто мысленно и въ разговорахъ смѣшиваль французское съ нижегородскимъ, или переиначиваль иностранныя слова на русское нарѣчіе.

Едва онъ вышелъ и стукнула за нимъ дверь передней, съ маленькаго общества, почти исключительно состоявшаго изъ учащейся молодежи, какъ-будто бы снялось невольное стѣсненіе. Бывшій въ числѣ гостей студентъ университета, слывшій великимъ любителемъ и знатокомъ русской литературы, пользуясь тѣмъ, что Павелъ Торновичъ уже ушелъ вслѣдъ за Ксеніей Николаевной и ея матерью въ другую комнату, гдѣ былъ рояль, а меньшая Горянская съ Стадолинымъ временно вернулись въ столовую, — сталь въ позу и торжественно продекламировалъ, указывая вслѣдъ уѣхавшему:

«И говоримъ мы о добрѣ,
О жизни честной и свободной, —
Что въ первой юности порѣ
Звучить тепло и благородно;
О томъ, что жертвы — нашъ девизъ;
О томъ, что всѣ мы люди — братья!
И публикѣ — изъ-за кулисъ —
Мы шлемъ горячія объятія...»

— Къ кому относятся эти стихи Апухтина, Настасья Николаевна? dokonчили онъ шутливо.

— О! Разумѣется, къ «дядюшкѣ» Данилы Михайловича! смѣясь вскричала гимназистка. — Повторите! Повторите, пожалуйста, еще разъ: я заучу и ему продекламирую ихъ, въ наше слѣдующее свиданіе.

— У-у! Злючка! поддразнилъ ее Стадолинъ. — Тс-съ! Теперь — молчаніе: Павлуша играетъ! Кто себѣ не врагъ, — слушайте его!

И медицинскій студентъ, взявъ подъ руку знатока литературы, на цыпочкахъ прошелъ въ гостиную и, сѣвъ у самой стѣнки, замеръ, въ восторженномъ благоговѣніи предъ игрой своего родственника, къ которому и помимо преклоненія предъ музыкальнымъ талантомъ его, онъ питалъ самую преданную дружбу.

Торновичъ такъ игралъ, что его заслушаться было не диво. Часъ ночи пробилъ, когда онъ вскочилъ, извиняясь.

Его увѣрили, что и до полудня готовы просидѣть его слушая, не только что до разсвѣта.

А разсвѣтъ въ самомъ дѣлѣ стоялъ бѣлый, въ эту весеннюю ночь, когда гости Горянскихъ наконецъ распрощались, а Стадолинъ и двое другихъ студентовъ, жившіе у нихъ, разошлись по своимъ комнатамъ.

Давно спавшая Варвара Алексѣевна заворчала на дочерей, когда онѣ прошли мимо ея перегородки въ свою маленькую комнатку.

— Ну, слава Богу! Насилу-то разошлись. Я уж думала, никогда сегодня конца не будет!

— Ничего, мамочка! Вѣдь завтра праздник: можно поспать! отозвалась Настя.

— Можно поспать! Еще бы!.. Это вамъ,— что лбы перекрестить разучились, можно поспать; а мнѣ въ восемь часовъ къ обѣднѣ идти надо, чтобы моего мѣста, у праваго клироса, не занять кто! соннымъ голосомъ жаловалась старуха.

Какъ только сестры очутились однѣ, меньшая подбѣжала къ Ксеніи, охватила ее руками, ласкаясь, и прошептала, заглядывая ей въ глаза:

— Ксаночка! Милушка! Говорилъ онъ тебѣ что-нибудь?.. Скажи, — говорилъ?.. Я вѣдь видѣла, передъ чаемъ, когда онъ показывалъ тебѣ альбомъ, что съ собой принесъ... Когда еще не приходилъ этотъ долговязый франтъ, — Викторъ Сергѣичъ, — у! Ненавижу его!.. Мы съ мамой чай готовили, а я видѣла въ дверь, что онъ что-то тебѣ, такъ серьезно, серьезно говорить и смотреть!.. Ахъ! Какъ онъ смотрѣлъ на тебя, Ксано!.. Да говори же!

— Что говорить-то, голубка?.. Мало хорошаго... Вотъ какъ ушлютъ его Богъ знаетъ куда, можетъ на-смерть! вздохнула старшая сестра, раздѣваясь.

— Не ушлютъ! страстно вскричала Настя. — Не могутъ его услатъ: Богъ не допустить!.. Я такъ молилась у Спасителя! Такъ молилась о тебѣ, Ксаночка... Гораздо больше, чѣмъ о своихъ экзаменахъ... Ну, ихъ!.. А завтра опять туда, въ Петра Великаго домикъ, сѣзжу... Я такъ вѣрю этому образу! Онъ всегда помогаетъ! Всегда чудеса дѣлаетъ!

И дѣвочка принялась съ жаромъ рассказывать о многихъ «чудесахъ», слышанныхъ ею въ гимназіи, быстро раздѣваясь.

Обѣ уже были въ постели, Ксенія уже потушила свѣтъ, когда Настя вдругъ поднялась, сѣла въ кровати и, сжавъ свои худенькія руки до боли, вскричала страстнымъ шопотомъ:

— А знаешь, Ксаночка: тотъ долговязый нарочно старается подбивать Павла Александровича! Онъ нарочно его уговариваетъ уѣхать!.. Я навѣрное, навѣрное это знаю!.. Онъ хочетъ его отъ тебя услать... Онъ самъ въ тебя влюбленъ и ревнуетъ! И боится, что братъ за тебя посватается, — а онъ съ носомъ останется!.. Да!.. Только онъ тебя гадко любитъ!.. Не такъ любить, какъ Павелъ Александровичъ. Онъ — самъ гадкій! Я его ненавижу.

— Полно, Настя! Ну что ты понимаешь?.. Съ чего тебѣ приходитъ на умъ...

— Я?.. Я *все* понимаю! увѣренно воскликнула дѣвочка. — Я лучше тебя понимаю, потому что ты добрая! Ты ни въ комъ зла не видишь. И любишь Торновича, и ничего не замѣчаешь въ другихъ... А я за тебя вижу: этотъ Вико — гадкій! Онъ никого не любитъ, кромѣ себя самого. А въ тебя — влюбился, и ни за что не захочетъ, чтобы братъ его на тебѣ женился. Ты ужъ повѣрь: Даня-то вѣдь ихъ хорошо знаетъ!

— А, это все Стадолинъ тебѣ рассказывалъ? улыбаясь, замѣтила Ксенія.

— Да. Онъ много рассказывалъ!.. Онъ славный!.. Онъ очень тебя любитъ!

— Ну, ужъ по-твоему — всѣ въ меня влюблены!.. Вотъ ужъ какая красавица побѣдительная...

— А что-жь?.. Ты развѣ не красавица?.. Еще какая!.. Но Стадолинъ не такъ... Онъ и всѣхъ насъ любитъ... Онъ помнитъ, сколько покойный отецъ ему добра сдѣлалъ. Онъ — честный! Я его, какъ родного брата люблю!

— Ну спи, Насточка!.. Мама услышитъ — разсердится!.. Да и пора... Спокойной ночи, голубка!

И сестры замолчали. Но Настя давно мѣрно дышала во снѣ, когда старшая Горянская еще и не думала засыпать. Она закинула руки за голову, подъ свои черныя, блестящія косы; смотрѣла на бѣлесоватый свѣтъ въ окнѣ, за которымъ раннее петербургское утро окончательно входило въ права свои; но не сознавала

ничего, кромѣ своихъ тревожныхъ думъ, то сжимавшихъ ей сердце боязнью, то всю ее охватывавшихъ жаромъ и пыломъ сознательнаго счастья.

II.

Жили-были на свѣтѣ два брата, Сергѣй и Александръ Торновичъ, а у нихъ была еще старшая сестра, рано вышедшая замужъ, противъ воли родителей, за человѣка хорошаго, но бѣднаго, за Михаила Даниловича Стадолина, молодого учителя, жившаго въ ихъ домѣ, при братьяхъ ея. Бѣдная женщина пила горькую чашу, вдали отъ родныхъ, отъ нея отказавшихся и рано умерла, оставивъ одного сына, — четырехлѣтняго Мишу на попеченіи отца.

Быть можетъ, участь ея и перемѣнилась бы, еслибъ родители ея тоже вскорѣ не умерли, не успѣвъ простить дочери, а сыновей своихъ оставивъ небольшими мальчиками на попеченіи опекуновъ. Братья Торновичъ сестры своей почти не знали; о сынѣ ея никакого не имѣли понятія и думать забыли о существованіи родственниковъ своихъ Стадолиныхъ. Молодой Стадолинъ, воспитанный отцомъ въ нѣсколько преувеличенной гордости «плебея», не признаваемого «аристократами» дядями, никогда не поминалъ ихъ именъ; такъ что сынъ его, — Данила Михайловичъ, и не подозрѣвалъ о ихъ существованіи. На дальней южной окраинѣ Россіи, гдѣ оба старшіе Стадолины, отецъ и сынъ, учительствовали, довольные своимъ скромнымъ удѣломъ, никто и не подозрѣвалъ, что между ними и «богачами помѣщиками Торновичами», никогда не пріѣзжавшими въ свои малороссійскія имѣнія, такое близкое родство. Менѣе всѣхъ зналъ о томъ ихъ внучатный племянникъ, Даня, тоже рано осиротѣвшій. Сначала умеръ его отецъ, потомъ мать, а вскорѣ и дѣдъ его, оставивъ круглаго сироту на попеченіи совсѣмъ

чужихъ людей, безъ всякихъ средствъ къ жизни, кромѣ полу-развалившагося деревяннаго домишки, гдѣ протекла вся ихъ жизнь.

Въ свое время братья Торновичъ тоже женились. Старшій женился по расчету, на дочери своего прямого начальника, графинѣ Самборской и, благодаря этому союзу, какъ и врожденнымъ своимъ дипломатически-практическимъ талантамъ, пошелъ быстро по службѣ; сравнительно въ молодыхъ лѣтахъ онъ занималъ очень важный постъ въ столицѣ, а когда умеръ, оставилъ вдовѣ своей и сыну Виктору не только прекрасное состояніе, но и очень большую пенсію. Состояніе сильно поразстроилось и порастрыслось вдовой его за границей, но пенсія выручала отъ нужды, на которую госпожа Торновичъ все-жъ таки постоянно жаловалась, къ величайшей досадѣ и крайней печали сына своего, котораго она, съ помощью сослуживцевъ покойнаго мужа, тотчасъ по окончаніи университетскаго курса, превосходно устроила по службѣ.

Александръ Торновичъ женился совсѣмъ не по расчету и по мнѣнію старшаго брата и многихъ родственниковъ, — «страшно дерожировалъ своему достоинству, вступивъ въ неравный бракъ (*une mésalliance criante*), опредѣляла супруга его старшаго брата) съ дѣвушкой не дворянскаго происхожденія, — съ купчихой». Эта купчиха была очень красива, хорошо воспитана и оказалась прекрасной женщиной; тѣмъ не менѣе ее сторонились и за глаза о ней иначе не выражались, какъ съ презрительнымъ снисхожденіемъ, — *«cette petite madame Tornovich...»* Но съ теченіемъ времени, когда *«cette petite madame Tornovich»* умудрилась не только въ цѣлости сохранить сыну отцовское и свое достояніе, но еще угораздилось получить большое наслѣдіе, ею перестали помыкать, и она уже превратилась въ *«cette chère, cette bonne, cette charmante madame Tornovich»*.

Такимъ же «bon, charmant u cher» — пребывавъ и племянникъ Поль, для семьи Сергѣя Павловича Торновича при жизни и послѣ смерти дяди, умершаго лѣтъ за пятнадцать до начала этого разсказа. Надъ Торновичами вообще тяготѣла странная судьба недолговѣчности. Почти всѣ члены этой семьи умирали въ молодости. Отецъ Виктора Сергѣевича, дожившій всего до пятидесяти лѣтъ, считался исключеніемъ. Теперь единственными представителями ея были двоюродные братья Викторъ и Павелъ.

Три года тому назадъ, только-что вступившій на свѣтское и служебное поприще блестящій Вика Торновичъ неожиданно получилъ сильно удивившее его письмо.

Онъ прочелъ его, перечелъ, пожалъ плечами и въ крайнемъ недоумѣніи воскликнулъ:

— Вотъ странные люди!.. Да мнѣ-то какое же до всего этого дѣло?!

Письмо гласило, что нѣкій «Даня Стадолинъ, двоюродный (будто-бы!) племянникъ его, благополучно окончивъ гимназическій курсъ въ хохлацкомъ городкѣ С., сгараеть желаніемъ продолжать образованіе въ столицѣ, въ какомъ-либо высшемъ учрежденіи, но совершенно на то не имѣетъ средствъ. Тѣмъ не менѣе, надѣясь на помощь Божію и свои способности, онъ рѣшается пуститься въ путь, поискать доступа въ университетъ или въ медицинскую академію, куда влекутъ его природныя склонности... Самъ онъ никогда не рѣшится затруднять собою родственниковъ», — гласило посланіе: «не знаетъ даже, что я, его опекунъ и воспитатель, беспокою васъ этимъ письмомъ. Но я считаю своей обязанностью предупредить васъ, а равно и семью Александра Павловича, если есть таковая, о существованіи и крайней нуждѣ родственника вашего, достойнаго и способнаго юноши, надѣясь, что вы не откажете ему въ участіи и возможной помощи...» За симъ слѣдоваль петербургскій адресъ Данилы